

Социэкономика как наука и новая учебная дисциплина

М.А. ШАБАНОВА

Содержащееся в данной статье наименование социэкономике, помимо всего прочего, еще и наукой *экономической* может выглядеть провокационным. Ведь начиная с 1990-х годов за рубежом активно развивается социэкономика как *междисциплинарная* парадигма, которая стала своеобразной «крышей» для многих социальных наук, изучающих – каждая своим методом – воздействие на экономические переменные неэкономических факторов. Солидаризируясь с мнением о важности развития социэкономике как *междисциплинарной* парадигмы, мы вместе с тем ставим задачу показать, что позиционируемая SASE¹ версия социэкономике не исчерпывает ее интерпретационного потенциала. Он может быть существенно расширен – как за счет большего использования потенциала «частных» наук в рамках *междисциплинарной* парадигмы, так и за счет развития социэкономике как *экономической* науки. Эта версия социэкономике направлена на решение определенного класса *практических* задач, актуальных как для стабильных высокоразвитых социально-экономических систем, так и для трансформирующихся экономик и обществ. Мы также обсудим особенности социэкономике как *новой учебной дисциплины* и поделимся опытом ее интеграции в процесс обучения экономистов.

Социэкономика как междисциплинарная парадигма (версия SASE): возможности и ограничения

Основы социэкономике как междисциплинарной парадигмы обозначены в хорошо известной «платформе-минимуме» SASE (1991, русскоязычный вариант – 2002 г.) и получили некоторое уточнение в недавней статье основоположника этого общества А. Этциони [Etzioni 2003]. Поскольку подробному разбору междисциплинарной версии социэкономике посвящены несколько недавних статей [Шабанова 2005, 2006а], здесь мы лишь обозначим ее важнейшие черты в том минимальном объеме, который необходим для осмысления возможностей и ограничений этой версии социэкономике, а также для обоснования замысла предлагаемой программы социэкономике как учебной дисциплины.

Междисциплинарность как основа методологических позиций

Термином «социо» в слове «социэкономика» теоретики SASE именуют не только социологию, а целый комплекс общественных дисциплин, изучающих взаимоотношения между обществом и экономикой [Etzioni 2003, p. 109]. Наряду с социологией, среди них: психология, антропология, история, политическая наука, право и др. Однако более детальное знакомство с платформой-минимумом SASE свидетельствует о том, что в действительности речь идет не о *двусторонних* связях между обществом и экономикой, а об *одностороннем* влиянии на экономические переменные как экономических, так и неэкономических факторов. Иными словами, зависимая переменная всегда экономическая, *обратное* же воздействие экономики на социальные процессы оказывается без видимых на то оснований вне поля зрения социэкономике в версии SASE.

«Так, если в нашем исследовании, – отмечает А. Этциони, – уровень производительности труда является зависимой переменной, то среди независимых переменных могут быть удельная доля капитала на одного рабочего, уровень оплаты труда и другие экономические переменные. Однако необходимо также включить и хотя

¹ Международное общество развития социэкономике – International Society for the Advancement of Socio-Economics (SASE). Подробнее о нем см.: <http://www.sase.org/aboutsase/aboutsase.html>

бы одну переменную из другой социальной науки (например, степень приверженности трудовой этике). Без такого рода переменной наши построения не выйдут за рамки экономической теории. Аналогично, если все независимые переменные – неэкономические (например, учитывается приверженность трудовой этике, уровень самооценки, размер социальных групп в процессе труда), то мы имеем дело с социологическими, психологическими или социально-психологическими построениями, но не с социозкономикой» [Этциони 2002 (1991), с. 66]. Тем не менее в последнее время требования к спектру независимых переменных заметно снизились: теперь они могут ограничиваться сугубо социальными переменными. Являются ли иностранные рабочие менее производительными? Воздействует ли лоббирование на уровень цен и если да, то в какой степени? Каковы социальные и политические условия ускорения экономического роста? – вот типичные вопросы, интересующие социозкономистов [Etzioni 2003, p. 109].

В содержательном смысле интерпретационный потенциал социозэкономики предопределяется, по существу, двумя основными предпосылками: хозяйственная система не является автономной от общества (макроуровень), а экономическое поведение охватывает человека во всех его ипостасях (микроуровень).

А) На макроуровне социозэкономика исходит из того, что экономика не является замкнутой на себя системой, она погружена в общество, его культуру, систему властных отношений и др. Это, конечно, не означает, что социозкономисты начисто лишают хозяйственную систему автономности и собственной логики развития. Но они находят, что думать об экономике как о самоподдерживающейся, свободно формирующейся системе также непродуктивно. Многие из того, что происходит в хозяйственной системе, может быть лучше объяснено «внешними» по отношению к ней феноменами (например, исследованная М. Вебером роль протестантской этики в развитии капитализма) [Etzioni 2003, p. 110; What is Socio-Economics?..]. Конкуренция одновременно и стимулируется, и ограничивается социальным контекстом (ценностями, властными отношениями, социальными сетями и др.); она укоренена в нем. Взаимодействия индивидуальных (эгоистических) интересов автоматически не ведут к гармонии; для того чтобы рынок функционировал эффективно, нужны социетальные источники порядка [Ibid.].

Б) На микроуровне предполагается, что индивидуальный выбор формируется не только под воздействием рационального личного интереса, но и под воздействием эмоций, моральных ограничений, социальных обязательств и ожиданий, веры, знания и др. Иными словами, отсутствует априорная посылка о том, что люди исключительно или в значительной степени заняты преследованием эгоистических интересов или поиском удовольствий [Satin 2000; Этциони 2002, с. 66]. Ценностные ориентации экономических акторов, разделяемые ими культурные и моральные нормы ограничивают спектр выбора как целей, так и средств их достижения [Etzioni 2003, p. 115]. Социозэкономика исходит из того, что на поведение экономических акторов влияют как эгоистические, так и культурные стремления, причем эти стремления (цели) могут находиться в конфликте друг с другом, что приводит к самым разнообразным поведенческим последствиям: бездействию акторов; стрессам и нарушению их способностей принимать рациональные решения; появлению чувства вины и развитию разного рода защитных механизмов и др.

Социозэкономика позиционируется SASE как одновременно позитивная и нормативная наука: «она не выдает себя за сугубо позитивную науку, а открыто говорит о своей причастности к политике и стремится осознавать нормативные последствия своей работы» [Этциони 2002, с. 66].

Таковы, на мой взгляд, три базовые характеристики «платформы–минимум» социоэкономической парадигмы, развиваемой SASE².

* * *

Поскольку эта парадигма находится в стадии становления и активно обсуждается научным сообществом [см., например: *Piore, Wrong, Streeck, Hollingsworth, Abell 2003; Swedberg 1997*], то позволим себе поставить ряд вопросов. Исчерпывает ли социоэкономика в версии SASE своими ключевыми принципами потенциал тех «частных» наук, которых она призывает интегрироваться под своей «крышей»? Какое новое качество дает эта интеграция? И чего, собственно, в социоэкономике SASE пока не хватает, в том числе для осмысления практических проблем, с которыми сталкиваются трансформирующиеся экономики и общества? Что это за проблемы? Интеграции усилий представителей, в первую очередь, каких наук они требуют для своего осмысления? Почему теоретики SASE все более сужают спектр независимых переменных, а экономисты столь устойчиво демонстрируют весьма слабую готовность к интеграции с SASE? Как это сказывается на интерпретационном потенциале междисциплинарной версии социоэкономики? Можно ли как-то повысить интерес экономистов к сотрудничеству с представителями других общественных наук в осмыслении тех или иных аспектов и закономерностей экономической жизни?

Для начала обозначу те характеристики социоэкономической парадигмы SASE, которые, на мой взгляд, сужают ее объяснительные и предсказательные возможности, но пока не стали предметом дискуссий.

1) Не принимается во внимание *обратное* воздействие экономических переменных на неэкономические, что сильно ограничивает возможности такого подхода в познании *реальных* взаимосвязей и закономерностей функционирования и развития экономики и общества на разных уровнях социальной реальности – макро-, мезо- и микро.

2) Спектр *независимых* переменных постепенно сужается за счет исключения (хотя, скорее, и вынужденного) экономических переменных. В настоящее время, как мы видели, вполне допускается ситуация, когда зависимая переменная – экономическая, а все независимые переменные – неэкономические [*Etzioni 2003, p. 109*]. Спору нет, акцентирование того, что среди независимых переменных должна быть хотя бы одна неэкономическая и хотя бы одна экономическая переменная, не выглядело убедительным. И, в принципе, отступление от этого требования вполне оправдано, коль скоро основой методологических позиций объявляется междисциплинарность. Однако столь же неубедительно и сужение круга независимых переменных до неэкономических.

3) Социоэкономическая парадигма в ее современной версии совершенно справедливо отводит важное место моральным обязательствам, социальным ожиданиям и властным отношениям, которые влияют на поведение экономических акторов. При этом довольно много говорится о роли морали, коллективности («мы») в поведении индивидов. (Так много, что более пристальное внимание к обобщенной деловой этике и морали можно, по-видимому, отнести к различиям в содержательных акцентах социоэкономики SASE и экономической социологии). Немало говорится о силе социальных связей между индивидами, влиянии на их поведение групповых норм; реже, но все же говорится, о более мощном (по сравнению с другими участниками рынка) воздействии государства и крупных корпораций на экономическое поведение менее ресурсных (рядовых) акторов [*Etzioni 2003, p. 110–117*]. Между тем представляется необходимым акцентировать и то (о чем экономическая социология, кстати, никогда не забывает), что разные (в том числе и

² Более детальное изложение ключевых принципов социоэкономической парадигмы см.: [*Etzioni 2003, p. 115–117*].

массовые, рядовые) экономические акторы различаются не только ценностными ориентациями, разделяемыми культурными и моральными нормами, но и *масштабами и структурой имеющихся у них и доступных им ресурсов*. Поскольку в хозяйственной сфере действует человек во всех его ипостасях, то, наряду с экономическими и культурно-профессиональными ресурсами, которыми он располагает, на его экономическое поведение оказывает воздействие наличие/отсутствие у него и многих других ресурсов: политических, административных, силовых, социальных (в том числе статусных) и др.³ Причем уровень социального статуса индивидов в значительной степени определяет масштабы как конструктивного, так и деструктивного их вклада в функционирование хозяйственной системы. Достаточно сравнить, например, мелкое воровство представителей социального дна (как способ физического выживания бездомных, беспризорников) и противоречащие целям экономических реформ гигантские финансовые аферы крупных чиновников (как способ обогащения верхних слоев за счет остального общества) [Заславская 2004, с. 273]. Значительно различается ресурсный потенциал жителей малых сел и столиц, представителей трудоизбыточных и трудонедостаточных регионов, мужчин и женщин, молодых и пожилых, высоко- и малообразованных и т. д.

Учет уже этих обстоятельств, думается, мог бы содействовать серьезному расширению интерпретационного потенциала социоэкономики в версии SASE, включая расширение спектра решаемых практических задач. Пока же, принимая во внимание все выше сказанное, можно констатировать, что социоэкономика в версии SASE не исчерпывает потенциала «частных» наук, причем в особо неблагоприятном положении находится, пожалуй, *экономическая наука*, с которой теории SASE и призывают интегрироваться другие общественные науки.

Тот факт, что от слабой готовности экономистов к сближению с SASE социоэкономическая парадигма только проигрывает, представляется очевидным. В частности, этим обстоятельством, по-видимому, объясняется постепенное (и вынужденное) сужение спектра независимых переменных до сугубо «социальных», равно как и слабая реализация (насколько можно судить по публикациям SASE) первоначальной установки на измерение⁴. А ведь, декларируя свою платформу через обращение к термину *переменные*, SASE устойчиво подчеркивает именно эту установку. В этом смысле, думается, что именно экономисты могли бы существенно продвинуть социоэкономическую парадигму за счет формализации исследуемых зависимостей, поиска приемов измерения неэкономических переменных и их инкорпорирования в экономический анализ.

Для того чтобы оценить потенциал активизации экономистов в рамках SASE, а также наиболее вероятные перспективы дальнейшего развития социоэкономики, важно осмыслить ее взаимоотношения с теми «частными» науками, которые она призывает к интеграции, а также тот спектр задач и проблем, которые эти науки призваны решать под «крышей» SASE.

Социоэкономика в версии SASE: соотношение с «частными» науками

Как известно, междисциплинарный подход, не посягая на метод каждой из наук, позволяет обеспечить более широкий (объемный) взгляд на некий общий предмет (объект) исследования, т. е. интегрирует разные науки, если можно так выразиться, на уровне *результатов*. Поэтому реальная готовность представителей разных наук к интеграции друг с другом определяется осознанием того интерпретационного *прироста*,

³ О классификации ресурсов социальных акторов см.: [Заславская 2004, с. 389–390].

⁴ Вероятно, это также сказалось на нарушении первоначально провозглашавшегося баланса между индуктивными и дедуктивными методологическими установками в пользу первых.

который дает такая интеграция в решении стоящих перед каждой наукой задач. В самом деле, каково то новое качество, которое достигается интеграцией разных общественных наук в социэкономику в версии SASE? Что, собственно, получает от такой интеграции *экономическая социология*, из которой социэкономика SASE заимствует основные содержательные предпосылки как макро-, так и микроуровня? И если эти содержательные предпосылки весьма отличны от доминирующих в *экономической теории* неоклассики и неинституционализма, то на какой почве может появиться встречная готовность экономистов к сотрудничеству с представителями других общественных наук под эгидой SASE?

Нетрудно очертить отличие социэкономики в версии SASE от *неоклассической экономической теории*, однако при этом исчезает (о чем, как правило, умалчивается) ее отличие от *экономической социологии* и *экономической психологии*. В самом деле, социэкономистов от неоклассиков отличает иное представление:

1) об акторе (отказ от «методологического индивидуализма» в пользу концепции «актора-во-взаимодействии»);

2) о рациональности экономического действия, его факторах и ограничениях (рациональность – не данность, а переменная; экономическое действие есть действие *социальное*; существует несколько типов экономических действий в зависимости от присутствия в их мотивации рационального [Вебер 1990, с. 625–630]; на экономическое поведение влияют не только предпочтения и экономические ресурсы акторов, но и социоструктурные и культурные факторы, весь комплекс ролей, которые играет индивид);

3) о соотношении хозяйства и общества (при анализе хозяйства общество не есть некая данность; хозяйство – составная часть общества, находящаяся с ним в тесном взаимодействии) и др.

Отсюда понятно, почему «среди членов SASE очень мало неоклассиков» [Этциони 2002, с. 67]. Ведь готовность экономистов к диалогу с представителями других общественных наук в значительной степени зависит от степени посягательства последних на исходные предпосылки экономического анализа. А социэкономика в версии SASE, как мы видели, серьезно на них покушается. Однако все обозначенные выше отличительные черты присущи не только социэкономике: задолго до нее на их основе сформировалась *экономическая социология*, занимающая ныне прочные позиции в системе научного знания [См., например: Смелзер, Сведберг 2003 (1994)]. Расширение круга рассматриваемых аспектов за счет психологических или иных переменных (эмоций, особенностей восприятия и др.) придает социэкономике в версии SASE статус не *самостоятельной* науки, как порой утверждается, а своеобразной «междисциплинарной крыши» для ряда социальных наук (прежде всего – *экономической социологии* и *экономической психологии*), которые изучают экономические процессы своими методами.

Аналогичные выводы можно сделать, сравнивая социэкономический анализ с *неинституциональным*. То новое, что может привнести социэкономика в анализ институтов, думается, также связано с потенциалом собственно *социологического* подхода. Прежде всего я имею в виду несколько иное понимание институтов (различение норм и институтов, которое не всегда делают экономисты; разграничение между институтами и экономическими *практиками*; различение практик институционализированных и неинституционализированных, «укрупненный» взгляд на институты, которые всегда удовлетворяют какую-нибудь важную потребность *общества*, т. е. не сводятся к специфическим потребностям индивида, вроде «мытья рук перед едой», и др.), особенности учета ресурсно-деятельностного потенциала экономических акторов, а также принципиально иной набор средств институционального анализа, который связан с

широким использованием теорий ролей и статусов [Подробнее об этом см.: Шабанова 2006б, 2006в, 2006г].

Более тонкий инструмент качественного анализа механизмов и потенциала институциональных изменений, который дает, в частности, ролевой анализ, на мой взгляд, связан с:

- 1) различием ролевых ожиданий и *реального* выполнения роли (будь то роль частного собственника, акционера, наемного менеджера, профессионала и др.);
- 2) реальным выполнением роли и привязанностью индивида к ней, т. е. *ролевой дистанцией* [Goffman 1959];
- 3) выявлением силы и частоты внутриволевых и межролевых конфликтов;
- 4) разного уровня свободой экономических акторов, занимающих различные социальные позиции, в построении и реализации своих социальных ролей;
- 5) стремлением людей (или давлением на них) к соблюдению согласованности между различными ролями, которые они играют, и теми идентификациями, которые им сопутствуют, и т. д.

Инкорпорирование в экономический анализ элементов ролевого подхода действительно проливает свет на ряд аспектов, особо актуальных для *экономического* анализа институциональных сдвигов, а именно: 1) *степень и характер укорененности (устойчивости)* тех или иных правил игры и экономических практик; 2) *адекватность распределения пучка прав собственности (правомочий)*: поиск структуры правомочий, которая будет способствовать наилучшей реализации экономических и профессиональных ролей (новых и сохранившихся старых), устойчивости эффективных норм и ослаблению отклонений от официальных ролевых ожиданий; 3) *острота проблемы контрактных отношений и направлений сдвигов в них* и т. д.

Однако и в этом случае готовность экономистов-неоинституционалистов к диалогу с представителями других общественных наук также зависит от степени посягательства последних на методологическое ядро экономической науки и, в частности, на принцип методологического индивидуализма, которым очень дорожат не только экономисты-неоклассики, но и (если не в еще большей степени) экономисты-неоинституционалисты.

Если мы исходим из того, что индивиды имеют определенные цели (и ресурсы), которые побуждают их (дают им возможность) следовать тем или иным ролям, дистанцироваться или отклоняться от них, и оставляем при этом за кадром *обратное* влияние социальных ролей (их набора, степени реализации и др.) на цели и предпочтения индивидов, то в этой версии – назовем ее «усеченной» – ролевой подход инкорпорируется в экономический анализ без особого посягательства на методологическое ядро последнего. В этом смысле имеется серьезная платформа для продуктивных взаимодействий социологов и *неоинституционалистов*. Однако дальнейшее расширение спектра учитываемых ресурсов (факторов и ограничений), влияющих на экономическое поведение индивидов, усиливает угрозу посягательства на принцип методологического индивидуализма и тотчас же отталкивает большую часть экономистов. Поэтому можно констатировать, что у SASE больше точек соприкосновения с современными представителями *традиционного институционализма*, которые исходят из того, что «базисный элемент общества не абстрактный, а социальный индивид, который одновременно и созидатель, и сам создается обществом. Одинаково ложно подчеркивание примата и “индивида”, и “общества”» [Ходжсон 2003 (1988), с. 117]. Однако в современной экономической теории традиционные институционалисты занимают периферийное положение и, к сожалению, их относительно немного.

Готовность к интеграции и глубина диалога экономистов с представителями других общественных наук определяются той степенью «социальности» «экономического человека», которую допускают представители разных направлений экономической теории. В этом смысле социэкономика в версии SASE «обречена» на

дистанцированность со стороны большей части экономистов – со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными для развития парадигмы последствиями, которые мы отметили выше.

Таким образом, если оставить за кадром встречающиеся в литературе и не выдерживающие критики представления о социэкономике в версии SASE как *самостоятельной науке* и исходить из того, что на сегодняшний день она представляет собой широкую область *междисциплинарных* исследований закономерностей экономической жизни с помощью аппаратов (категорий, методов) ряда общественных наук, объединившихся под ее «крышей», то логично заключить, что каждая из этих наук соотносится с социэкономикой как *часть целого – целое*. Однако достижения этой интеграции пока, как правило, не выходят за рамки экономической социологии и экономической психологии. Именно из последних теоретики социэкономике в версии SASE почерпнули основные содержательные предпосылки своей парадигмы (как макро-, так и микроуровня); и именно к ним они чаще всего обращаются в поисках эмпирических обоснований своих ключевых принципов. Не будет большим преувеличением констатировать, что в современном социэкономическом знании *ключевую* роль играет экономическая социология. Более слабая роль остальных наук пока не дает заметным образом проявиться преимуществам междисциплинарности; не случайно уже высказывается мнение о том, что социэкономика в версии SASE в том виде, в каком она развивается сегодня, мало отличается от экономической социологии (и практически не отличается от экономической социологии вкупе с экономической психологией).

Интеграция экономики и других общественных наук будет только тогда продуктивной, когда она даст некоторое новое качество, позволит решать класс задач, которые не по силам решить каждой отдельной науке, будь то институциональная экономика, экономическая социология, экономическая психология или что-то еще. В настоящее время социэкономика в версии SASE далеко не исчерпывает возможного вклада в «междисциплинарный котел» ряда наук, и особенно – *экономической науки*.

Одно из важнейших направлений расширения интерпретационных возможностей социэкономической парадигмы (но, разумеется, отнюдь не единственное) видится в формировании на ее основе (и наряду с ней) еще одной версии социэкономике – социэкономике как *экономической науки*. Развитие *экономической* версии социэкономике может стать своеобразным «мостиком», облегчающим интеграцию экономической науки в *междисциплинарную* версию социэкономике SASE. Но если речь идет о новой науке, то каковы ее предмет и метод? Каково ее особое место в системе научного знания, и, наконец, есть ли в этой науке *практическая* потребность?

Социэкономика как экономическая наука: общая характеристика и спектр практических задач

В условиях постоянного усложнения общественной и хозяйственной жизни, ускорения темпов изменений, увеличения потерь от неучтенных *взаимосвязей* между социальными и экономическими аспектами функционирования и развития систем макро-, мезо- и микроуровней (как хозяйственных, так и собственно социальных) растет потребность в специальной науке, которая, используя аппарат *экономической* теории, оценивала бы *с точки зрения соотношения затрат и результатов* взаимосвязь между экономикой и обществом (социальным контекстом). Попробуем дать определение нашей версии социэкономике как *экономической науки*⁵, внося в него некоторые уточнения и упрощения по сравнению с более ранними работами [Шабанова 2005, 2006а]

⁵ Автор выражает признательность академику РАН Т.И. Заславской за ценные соображения, которые были высказаны в ходе неоднократных обсуждений и дискуссий по этому вопросу.

Социоэкономика изучает на разных уровнях социальной реальности (макро-, мезо-, микро) *двусторонние* связи между экономическими и социальными аспектами общественного воспроизводства и пытается дать *экономическую* оценку этим связям на основе сопоставления широко понимаемых затрат и результатов и учитывая определенные социальные ограничения. Стремясь соизмерять экономические и социальные *издержки* с экономическими и социальными *выгодами*, она постоянно переводит одни в другие: экономические издержки и выгоды в социальные издержки и обретенные, и наоборот.

То, что широкий спектр социальных явлений, институтов, процессов оказывает большое влияние на экономику, – базовое положение *социоэкономики* в версии SASE. Но в ее рамках это влияние не получает *экономической* оценки (в идеале – в стоимостной форме), т. е. не рассматривается с точки зрения выигрышей и проигрышей экономических акторов и систем разных уровней. Экономическая же версия *социоэкономики* дополняет широту и глубину взгляда SASE на влияние социального контекста на экономику (вклад в первую очередь *экономической социологии* и *экономической психологии*) *экономическими* оценками этого влияния. Каковы экономические потери, скажем, из-за распространения пьянства и наркотизации молодежи, широкого распространения пьянства в заброшенных селах и городах-«ловушках»? Если *экономическая социология* «заканчивается», к примеру, на выявлении доминирующих стратегий сберегательного поведения, выявлении их факторов, ограничений, последствий распространения, то *социоэкономика*, основываясь на этом, должна идти дальше, пытаясь оценить *экономические* потери/выигрыши (банков, населения, хозяйственной системы в целом) от распространения тех или иных сберегательных стратегий. *Социологическое* изучение мотивов и факторов высокой текучести работников *социоэкономика* дополняет *экономическими* оценками потерь, которые при этом несут отдельные предприятия, фирмы и хозяйственная система в целом.

Другое принципиальное отличие предлагаемой версии *социоэкономики* от версии SASE состоит в том, что она помещает в центр своего внимания и *обратное* воздействие экономики на социум и также пытается дать ему *экономическую* оценку. Иными словами, *экономическая* версия *социоэкономики* исходит из того, что социальная сфера (как совокупность социальных отношений и институтов), а также разного рода социальные процессы не только влияют на экономику, но и сами в нее «погружены», зависят от нее, и этой зависимости нужно дать *экономическую* оценку. Так, в результате недавних проверок Счетной палаты выяснилось, что в России в три раза выше смертность по «устраняемым причинам», т. е. «мы не лечим те болезни, которые могли бы лечить» [Россия теряет из-за своей медицины... 2006]. Споры нет, каждая человеческая жизнь бесценна. Но, финансируя здравоохранение на уровне менее 3% ВВП, важно предвидеть и тот *экономический* ущерб, который принесет такая «экономия» в более или менее отдаленной перспективе. По оценкам Счетной палаты, которые базировались на таких показателях, как оплата больничных листов, выплата пенсий по инвалидности, стремительный рост числа инвалидов, высокая смертность населения трудоспособного возраста и др., *экономический* ущерб России из-за неудовлетворительного медицинского обслуживания может составить 300 млрд долларов до 2015 г. [Там же].

Обратное воздействие экономики на социум, даже в случае экономического роста и развития, может быть весьма противоречивым. Оно может включать не только повышение уровня и качества жизни, но и приводить к развитию так называемых болезней цивилизации (из-за загрязнения окружающей среды, роста стрессовых нагрузок в связи с быстрыми изменениями в образе жизни и характере трудовой деятельности) [Андреев, Кваша, Харькова 2004]. В условиях крайней изношенности основных фондов состояние рабочих мест на многих российских предприятиях таково, что начавшийся *экономический* рост, скорее всего, приведет к росту смертности и заболеваемости работников. Такую

гипотезу еще в 2000 г. высказали С. Иванов и В. Эченикэ, и в настоящее время она, к сожалению, не опровергнута: в России растет и профессиональная заболеваемость, и смертность взрослых мужчин [Там же].

Давая экономическую оценку разного рода влияниям – будь то воздействие социума на экономику или экономики на социум, – мы в каждом отдельном случае так или иначе подспудно исходим или явно выходим на *двустороннюю* связь между ними, точнее, на воспроизводственный аспект этой взаимосвязи. Экономика (хозяйственная система), развитая до определенного уровня, «поставляет» ресурсы для существования и развития социума и его членов, включая развитие образования, здравоохранения, права, уровень и качество жизни, возможности мобильности. В свою очередь, «воспроизведенные» с теми или иными параметрами и при тех или иных экономических ограничениях индивиды в следующий момент времени сами в значительной степени задают качество и пределы экономического развития, преумножают национальное богатство, меняют (сохраняют) правила игры, меняются сами и одновременно создают (обретают) экономические ресурсы, которые воздействуют на параметры их последующего социального воспроизводства. За термином «социум» здесь скрываются особенности качественного состава и поведения социальных групп (общностей) и акторов разных уровней (образование, квалификация, здоровье, мобильность, экономический, территориальный, должностной и прочие статусы (ресурсы), уровень правосознания, деловые качества, ценностные особенности). Под экономикой в данном случае имеются в виду, в первую очередь, «институционально оформленные» материально-вещественные характеристики и денежные потоки хозяйственных единиц самых разных уровней – это может быть хозяйственная система общества, региона, города, села, определенной сферы (например, экономика здравоохранения), вплоть до отдельного домохозяйства, т. е. самые разнообразные проявления «институциональных взаимодействий человека с природным окружением по поводу добычи средств к существованию» [Полани 1988, с. 499].

По существу, в данной версии социоэкономики присутствуют оба значения термина «экономический», как их выделял К. Полани [Там же]. В первом – *субстанциональном* значении – *экономический* означает не что иное, как «имеющий отношение к процессу удовлетворения материальных потребностей»⁶, причем в данном случае – материальны средства, а не цели. «Необходимы ли те или иные объекты для того, чтобы отвратить голод или они нужны для образовательных, военных или религиозных целей, в данном случае не важно. До тех пор, пока удовлетворение потребностей зависит от материальных объектов, речь всегда идет об экономике. Изучать, как человек добывает средства к существованию, значит изучать экономику в этом субстанциональном значении термина...» [Там же]. Второе – *формальное* – значение термина *экономический* «вытекает из логического характера отношения между целями и средствами их достижения, как, например, в словах *экономия* или *экономный*; оно дает начало определению *экономической* науки, как науки об эффективности... Данное значение лежит в основе глагола *максимизировать*, более известного – *экономить* или менее техничного, хотя, вероятно, самого точного выражения «делать все возможное» [Там же, с. 498–499].

Как видно, два значения термина *экономический* могут находиться в весьма отдаленном отношении друг от друга: «материальный характер удовлетворения потребностей задан независимо от того, стремимся мы максимизировать или нет, а максимизация дана независимо от того, являются ли средства и цели материальными или

⁶ «Субстанциональное значение вытекает... из явной зависимости человека в том, что касается добычи средств к существованию, от природы и своих собратьев. Человек выживает только благодаря институциональному взаимодействию с природным окружением. Этот процесс и есть экономика, которая способствует удовлетворению его материальных потребностей» [Полани 1988, с. 499].

нет» [Там же, с. 503]⁷. Экономическая версия социэкономике стремится по возможности сочетать эти два значения «экономического».

В самом деле, экономические факторы и ограничения играют важнейшую роль в функционировании, развитии и деградации обществ, отдельных социальных общностей и групп (*субстанциональное* значение термина *экономический*). И в то же время при данном уровне национального богатства экономические ограничения социального воспроизводства могут быть разными (*формальное* значение термина *экономический*), причем принимающие решения акторы разных уровней не всегда осознают тесную взаимосвязь между экономическими и социальными аспектами жизнедеятельности и способны принимать не продуманные ни по своим экономическим, ни по своим социальным последствиям решения.

Но даже если они руководствуются экономическими соображениями в формальном значении этого термина, социальные последствия могут быть весьма неблагоприятными. Поэтому, давая экономическую оценку связям между экономикой и социумом, считая экономические выигрыши и потери от реализации тех или иных социально-экономических стратегий, важно подчеркнуть один момент, который непременно должен находиться в поле зрения данной версии социэкономике. Я имею в виду вопрос о социальных ограничителях реализации тех или иных социально-экономических программ и проектов. Если о них забыть, то с экономической точки зрения может оказаться совсем не оправданным, скажем, повышение уровня и качества жизни пенсионеров или инвалидов. Вопросом социального согласия, а значит, и ограничителем при выборе той или иной экономической стратегии выступают и сложившиеся в обществе представления о социально справедливой дифференциации доходов, допустимой степени вмешательства государства в их перераспределение.

Итак, констатируем. Экономическая версия социэкономике, учитывая более широкий спектр социальных влияний на экономику по сравнению с другими экономическими науками, базируется на поиске приемов экономических оценок двусторонних связей между экономикой и социумом. Она стремится привнести в измерение этих связей новое качество, обусловленное природой экономического подхода – стремлением соизмерять производимые затраты с достигаемыми результатами (выигрышами и проигрышами, в том числе и в более-менее отдаленной перспективе), оптимизировать соотношение выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов, но при условии соблюдения определенных социальных ограничителей, о которых мы сказали выше.

В такой постановке одним из центральных элементов социэкономике выступает построение разного рода индикаторов (экономических и социальных), без которых измерение взаимосвязей между экономическими и неэкономическими переменными было бы затруднено. Исходя из состояния современного научного знания, узкое место в проблемном поле данной науки видится в трудностях сопоставления затрат и результатов, в сложности измерения экономических последствий социального поведения и социальных последствий экономических решений. Поэтому в настоящее время решающий вклад в становление этой науки, на мой взгляд, могли бы внести прежде всего экономисты и экономисты-математики.

Как следует из содержания экономической версии социэкономике, в ее становлении в современной России имеется острая практическая потребность. Эта версия

⁷ «Задача достижения наибольшего удовлетворения путем рационального использования ограниченных ресурсов вовсе не исчерпывается экономической деятельностью человека. Она присутствует там, где генерал располагает свои войска для битвы, шахматист собирается пожертвовать пешкой, адвокат строит свидетельства в защиту клиента, артист осмотрительно расходует свои эффекты...» [Полани 1988, с. 503].

социоэкономики может способствовать поиску более эффективных способов решения широкого класса практических задач, с которыми сталкиваются акторы самых разных уровней: макро-, мезо-, микро.

Так, на *макроуровне* весьма актуален поиск наиболее эффективных (с точки зрения соотношения затрат и результатов) стратегий государственной политики (как экономической, так и социальной) за счет учета характера и силы двусторонней связи между экономическими и социальными переменными в пространстве и во времени. Задача социоэкономики с помощью прямых и косвенных показателей оценить весь спектр потерь и обретений хозяйственных единиц и субъектов разных уровней от реализации той или иной стратегии рыночных реформ, содействовать выработке адекватной и наиболее эффективной стратегии, мобилизации ресурсов экономического развития с учетом особенностей социальной организации и культуры данного общества.

В частности, важная экспертно-аналитическая область социоэкономики в современной России – комплексная оценка последствий введения платных услуг в ряде отраслей социальной сферы, равно как и оценка эффективности государственных расходов на бесплатные услуги. Спору нет, значимость качественного образования не ограничивается его вкладом в формирование высококвалифицированных и инициативных работников, как и значимость высокоразвитой системы здравоохранения не исчерпывается обеспечением хозяйственной системы здоровыми работниками. Это – ресурсы особого рода, определяющие параметры не только экономического, но и социального воспроизводства на долгие годы. Но социальные функции образования или здравоохранения не умаляют их экономических функций. В частности, при выборе стратегии реформирования отраслей социальной сферы, расширении спектра платных услуг важно учитывать те потери, с которыми через какое-то время столкнется экономика из-за ухудшения состояния здоровья ряда групп занятого населения, снижения доступности качественного образования, разрушения сети профессионально-технических училищ, науки и др. И этим потерям необходимо дать количественную оценку уже сегодня. Разумеется, не все поддается денежной оценке; более того, не везде такая оценка выглядит уместной по гуманным соображениям (напр., денежная оценка человеческих жизней при исчислении экономических потерь в чеченской войне или обретений от ее прекращения). Построение адекватных экономических и социальных индикаторов, поиск адекватных приемов измерения взаимосвязи экономических и социальных переменных – важная проблема социоэкономики, в значительной степени определяющая ее возможности и ограничения. Однако есть основания полагать, что даже первые шаги в этом направлении дадут такие результаты, которые не только позволят сделать более обоснованным выбор тех или иных экономических стратегий, но и придадут социальной политике совершенно иной статус.

Что касается *мезо- и микроуровней*, то менеджмент современных организаций все в большей степени становится социоэкономическим, ибо предполагает учет и оценку с точки зрения соотношения затрат и результатов самых разных сторон функционирования фирм, включая (наряду с экономическим) политический, культурный, социальный и другие контексты. Так, успешность функционирования фирм в современных условиях в значительной степени определяется постоянными инвестициями в совершенствование знаний и умений своих работников. Так что любая фирма заинтересована в том, чтобы использовать трудовой потенциал работников с наибольшей экономической эффективностью. Как снизить издержки нововведений за счет уменьшения сопротивления персонала? В какой мере, за какой срок и при каких условиях окупаются инвестиции в повышение квалификации работников? Как измерить отдачу от этих инвестиций в тех случаях, когда выработка работника не поддается очевидному измерению? А ведь интеллектуальный труд постепенно становится господствующим видом труда. (В

настоящее время более 50% экономически активных граждан развитых стран заняты не физическим, а умственным трудом, а в США их свыше 2/3 [Щетинин 2001].)

Важная сфера приложения социэкономике на уровне фирм – сравнительная оценка эффективности вложений в неосязаемые активы по сравнению с осязаемыми, в различные элементы интеллектуального капитала: человеческого, структурного, включая корпоративную культуру, а также в разные элементы рыночного («отношенческого», клиентского или брендового) капитала (деловую репутацию, связи с клиентами, постоянство клиентуры, наличие своих людей в сторонних организациях и др.) [Козырев 2002]. Важная роль принадлежит и поиску подходов к определению (изменению) истинной стоимости компаний с учетом влияния интеллектуального капитала (тесноты и длительности деловых связей, включенности в сети, постоянства клиентуры, деловой репутации, корпоративной культуры, знаний и компетенции работников и др.). Говоря об ограниченности традиционных методов бухучета, Лейф Эдвинссон и Майкл Мзлоун обосновывают важность учета роли интеллектуального капитала в оценке стоимости активов компании, необходимость разработки динамических показателей, отражающих укрепление позиций компании на рынке, привлечение постоянной клиентуры, усовершенствование качества продукции и т. д. [Эдвинссон, Мзлоун 1999, с. 432–433, 436].

На *микроуровне* индивиды и домохозяйства, в ходе адаптации к новым условиям, желая сохранить или повысить прежний уровень жизни, осваивают новые или активнее используют традиционные модели поведения: обучаются новым профессиям и специальностям (расходуя на это свое время и деньги), больше работают на садово-огородных участках или в ЛПХ, собственным трудом восполняют отказ от ряда платных услуг (парикмахерская, ремонт квартиры, пошив одежды и др.), меньше рожают и занимаются воспитанием детей, реже берут больничные, больше потребляют алкоголь и т. д. Все это, разумеется, сказывается на уровне человеческого потенциала, включая профессиональные качества, состояние здоровья, а в следующий момент времени – через механизм обратной связи – и на параметрах воспроизводства хозяйственной системы. Оценка экономических обретений и потерь от реализации тех или иных адаптационных стратегий, доступных разным группам работников, поиск путей более эффективного использования наличных экономических ресурсов для улучшения параметров социального воспроизводства – важная задача социэкономике. Ведь по данным ВОЗ, только на 10–15% наше здоровье зависит от медицины, в то время как на условия и образ жизни приходится 50–55%. Иными словами, экономический потенциал не только существенно определяет качество человеческого потенциала, но и сам в значительной мере зависит от социальных факторов, включая реализацию государственных стратегий по формированию у населения стандартов (ценностей) здорового образа жизни («моды на здоровье»), пропаганды личным примером (так, в конце 1960-х годов положение с состоянием здоровья населения США было признано неблагоприятным, с тех пор телевидение постоянно демонстрирует занятия бегом всех президентов, начиная с Р. Кеннеди), изменения отношения людей к диспансеризации (в том числе за счет «социальной рекламы») и т. д.

Оторванность от учета тесной взаимосвязи между экономическими и социальными аспектами жизнедеятельности может привести к самым неблагоприятным последствиям на разных уровнях социальной реальности. Возьмем для примера инвестиции в *человеческий* потенциал, который все в большей степени рассматривается в качестве важнейшего фактора экономического роста и развития. Между тем уровень экономической отдачи от финансовых средств, которые вкладываются в развитие человеческого потенциала, а следовательно, и рискованность подобного рода вложений, в значительной степени определяются *социальным* контекстом. Это относится как к государству в целом, так и к уровню фирм и отдельных индивидов. В первом случае

государство, вкладывая средства в образование своих граждан, впоследствии может не суметь создать адекватных социально-экономических условий для реализации накопленного человеческого потенциала. Следствие – массовая эмиграция высококвалифицированных кадров в более развитые страны (которые не осуществляли подобных инвестиций) со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями для страны-донора (ухудшение позиций на рынке высокотехнологичной продукции, развал науки, научных школ, ухудшение качества образования и др.). Во втором случае – на уровне фирмы – эффективность вложений в человеческие ресурсы в условиях повышающейся мобильности работников – в значительной степени определяется умело построенной системой внутрифирменных стимулов, продвижений, защищенности работников и др., а также политикой государства и местных властей в ослаблении рисков, которым подвергаются фирмы в связи с расходами на обучение персонала. На уровне индивидов важное значение имеют их предпочтения настоящих благ будущим, которые также в значительной степени предопределяются социальным контекстом: ценностью образования, семьи, культурой здорового образа жизни, инновационностью как важной чертой экономической культуры.

В принципе, российская наука давно уже сделала первые шаги в продвижении к социэкономике в том смысле, как мы определили эту науку. И поскольку она предполагает интеграцию усилий прежде всего экономистов, социологов и математиков, то неслучайно первые кирпичики в построение социэкономического здания заложили представители Новосибирской экономико-социологической школы. Я имею в виду проводившиеся еще в 1960-х годах исследования текучести рабочей силы с оценками потерь, которые несут от увольнений работников по собственному желанию отдельные предприятия и хозяйственная система в целом, моделирование перспектив развития российского села с учетом той свободы выбора способов социально-экономического поведения, которую имеют акторы разных уровней [Заславская 1999]. Совсем недавно интересные для продвижения социэкономике результаты получил С.А. Айвазян, проведший статистическое исследование зависимостей между основными результирующими показателями качества и образа жизни населения, с одной стороны, и характеристиками качества институтов и проводимой в России социально-экономической политики, с другой [Айвазян 2005].

Благодатную почву для социэкономического анализа дают и многочисленные зарубежные исследования человеческого капитала как ресурса экономического роста. Ресурс социэкономике в данном случае видится, в частности, в том, чтобы учесть особенности социальной организации общества и его хозяйственной системы, в силу которых разные группы занятого населения (образовательные, профессионально-должностные, отраслевые, территориальные, доходные, половозрастные и пр.) имеют неодинаковые возможности для раскрытия своего трудового потенциала и его превращения в капитал; осмыслении разного рода внутрифирменных факторов, которые повышают или, напротив, снижают эффективность инвестиций в человеческий капитал на уровне фирмы и т. д. При данных экономических ресурсах реализация тех или иных стратегий социальной политики в перспективе может привести к разным темпам и качеству экономического развития.

Экономическая оценка двусторонних связей между экономическими и социальными аспектами воспроизводства важна для многих направлений экономической науки и менеджмента, будь то: управление государственными, региональными и муниципальными финансами, государственная социально-экономическая политика; экономика социальной сферы, управление стоимостью компании, социально-экономические стратегии фирм, управление человеческими ресурсами и т. д. Практическая потребность в становлении социэкономике как экономической науки велика и будет расти, а научные предпосылки уже сегодня весьма благоприятны.

Социоэкономика как учебная дисциплина

Заявления экономистов-теоретиков о необходимости инкорпорирования в экономический анализ достижений других наук звучат все чаще. Однако подобного рода заявления, по существу, уже обрели ритуальный характер, и наиболее вероятная участь новых – так и остаться «благими намерениями». Гораздо больше импульсов к междисциплинарной интеграции пока идет, как мы видели, от практики. Круг практических проблем, с которыми сталкиваются сегодня и все чаще будут сталкиваться в дальнейшем выпускники экономических факультетов, свидетельствует в пользу подготовки, наряду с «узкими» специалистами, экономистов более широкого профиля, а значит – преподавания на экономических факультетах социоэкономики, – и в междисциплинарной версии (правда, несколько расширенной и уточненной по сравнению с SASE), и в версии собственно экономической. Обе версии социоэкономики, по сравнению с традиционным экономическим анализом, сильнее приближаются к реальной жизни, и в силу этого обладают большими объяснительными и предсказательными возможностями. Однако ситуацию с интеграцией социоэкономики в любой из обозначенных выше версий – *расширенной междисциплинарной* или *собственно экономической* – в программу подготовки экономистов и менеджеров сегодня нельзя назвать простой, или беспроблемной.

С одной стороны, по оценке экспертов, потребность в социоэкономистах активно высказывается и менеджерами корпораций, и руководителями некоммерческих организаций, и органами управления разных уровней (федерального, регионального, муниципального). Ибо спектр практических задач, с которыми сталкиваются в реальной деловой активности все эти акторы мезо- и макроуровня, нередко требует для своего решения навыков, отличных от «игры в цифирь» в индивидуалистской, рационалистической традиции неоклассической экономической теории [Этциони 2002, с. 68]. Подчеркнем, что такая ситуация характерна, как мы видели, не только для стабильно функционирующих высокоразвитых экономик и обществ, но и для *трансформирующихся* социально-экономических систем (причем для последних, – возможно, даже в большей степени).

С другой стороны, на экономических факультетах по-прежнему (и практически повсеместно) доминирует неоклассическое мышление и преподавание, а курсы, выходящие за рамки неоклассической традиции (социология, психология, этика, политология и др.), как правило, имеют маргинальный статус. Возможно, в слабой интеграции последних в учебный процесс будущих экономистов «виноваты» и сами преподаватели этих дисциплин, не утруждающие себя иллюстрацией интерпретационных возможностей своей науки в осмыслении конкретных *экономических* проблем и не ставящие перед собой задачу ответить на вопросы: зачем освоение той или иной темы нужно студентам-экономистам? Где (каким образом) она в будущем им может понадобиться? Как бы то ни было, можно согласиться с А. Этциони, что в настоящее время изучение всех этих курсов не оказывает «существенного влияния на студентов, которые большую часть своего времени отдают изучению бухгалтерских балансов и принятию решений на основе математических моделей, лишенных информации, чувствительности, способности к гибкому реагированию, к быстрому перемещению активов» [Этциони 2002, с. 68–69]. Такая ситуация весьма неблагоприятна для интеграции в процесс обучения будущих экономистов социоэкономики ни в *междисциплинарной* версии (ибо она предполагает извлечение преимуществ от многостороннего взгляда на тот или иной экономический процесс или проблему), ни в *собственно экономической* версии (ибо экономическая оценка тех или иных социальных процессов и институтов чаще всего невозможна без знания их структуры, внешних факторов и ограничений).

Таким образом, определенные трудности интеграции социоэкономики в учебный процесс есть у каждой из версий, и стремление преподавать обе версии в рамках одного курса еще более увеличивает число проблем, которые необходимо преодолеть.

Попытка решить эту задачу с учетом всех отмеченных выше обстоятельств предопределила структуру социоэкономики как учебной дисциплины на факультете экономики⁸. В первой части курса дается общая характеристика и междисциплинарной версии социоэкономики (со всеми необходимыми уточнениями по сравнению с версией SASE), и экономической версии социоэкономики. Существенный момент при этом, на мой взгляд, состоит в том, чтобы четко и по возможности наиболее полно охарактеризовать спектр практических задач, которые призвана решать социоэкономика, желательно на примере тех проблем, которые стоят перед современной российской экономикой (отраслями, фирмами, хозяйственной системой в целом) и обществом (включая отдельные общности и группы: территориальные, доходные, профессиональные и др.). Для дальнейшего обоснования структуры курса и особенностей его интеграции в программу обучения экономистов представляется важным акцентировать следующие моменты.

Первый. Поскольку курс рассчитан на экономистов, которые, прежде чем приступить к социоэкономике, активно изучали неоклассическую экономическую теорию, а также институциональную экономику (неоинституционализм и в меньшей степени – традиционный институционализм), то новый для них подход представляется важным давать в сравнении с ранее освоенными и хорошо известными им подходами, т. е. накладывать на те представления, которые у них уже имеются. Этому посвящены две темы «Социоэкономика versus неоклассическая экономика» и «Социоэкономика и институциональный анализ». Но, как показывает опыт, для четкого усвоения особенностей обеих версий социоэкономики этого недостаточно. Хорошую вспомогательную роль играет серия деловых игр, о которых скажем чуть позже. Необходимо отметить и то, что, вводя социоэкономiku в учебный план экономистов, важно не отрицать ранее накопленные ими знания, а сосредоточить внимание студентов в большей степени на том, что продуктивность разных подходов в значительной степени различается в зависимости от класса решаемых практических задач. Для решения одних задач наиболее продуктивна неоклассическая традиция, для решения других – неоинституциональная, а вот третьи – требуют приложения той или иной версии социоэкономического анализа (именно там и только там традиционный экономический анализ оказывается малопродуктивным).

Второй. Поскольку современная версия социоэкономики SASE активно базируется на социологии, а будущие экономисты «привыкли» (уже научены) дистанцироваться от этой дисциплины и – по вполне понятным причинам – намерены оставаться экономистами, а не «переучиваться в социологов», то важное значение имеет четкое и весьма убедительное акцентирование отличий обеих версий социоэкономики от *экономической социологии* (тема «Социоэкономика и экономическая социология: точки размежевания и интеграции»). Вместе с тем, развивая *междисциплинарную* версию социоэкономики, важно делать попытки инкорпорирования в экономический анализ элементов социологического подхода, не посягая при этом на «методологическое ядро» экономической науки. В курсе это делается на примере обоснования возможностей и преимуществ интеграции экономического и социологического подходов в анализе институциональных изменений.

Забегая вперед, отмечу, что в целях более глубокого усвоения преимуществ и ограничений разных подходов студентам предлагается написать эссе, где на примере

⁸ Более подробно концепция учебного курса, а также его программа представлены в этом же номере журнала в статье: *Шабанова М.А.* Проблемы социоэкономики: концепция и программа учебного курса.

любой социально-экономической практики (или процесса) из современной российской действительности провести сравнительный анализ интерпретационных возможностей и ограничений разных исследовательских традиций – неоклассической/неоинституциональной, экономико-социологической и социоэкономической (в экономической версии). Свободный выбор той или иной социально-экономической практики (процесса) позволяет студентам выбрать наиболее интересную практику, углубленному изучению которой, быть может, уже были посвящены курсовые работы или эссе по другим курсам, а возможно, будет посвящена и выпускная работа, и тем самым заложить еще один «кирпичик» в формирование многостороннего взгляда студентов на интересующий их феномен (процесс).

Третий. Работу над эссе предваряет серия деловых игр, цель которых – облегчить понимание сущности и сравнительных преимуществ (ограничений) разных исследовательских подходов. Студенты разбиваются на группы и на примере доставшейся группе социально-экономической практики (института) коллективно обсуждают, а затем представляют на суд других групп интерпретационные возможности неоклассического/неоинституционального, экономико-социологического и социоэкономического (в экономической версии) подходов. Это может быть: практика предоставления платных услуг в здравоохранении или образовании, особенности функционирования вещевого рынка и др. Хорошо зарекомендовали себя и групповые мини-спектакли: «Прием на работу или увольнение с работы» (возможные роли: работодатель–«неоклассик», менеджер–«социоэкономист», работники с характеристиками, выбираемыми группой в ходе кратковременной подготовки к спектаклю (7–10 мин.), интерпретатор; задача интерпретатора – представление основных акторов, комментарии реплик и общего характера разногласий между работодателем–неоклассиком и менеджером–социоэкономистом по поводу приема-увольнения работников с теми или иными параметрами трудового потенциала, общее заключение); «Самозащитное поведение в сфере труда и занятости» (возможные роли: работники–«неоклассики», работники–«социоэкономисты», интерпретатор) и др. Нет необходимости доказывать, что деловые игры – более эффективная форма усвоения материала по сравнению с традиционными семинарами («Кто ответит на этот вопрос? А кто – на этот?»). В играх участвуют *все*, кто-то лучше знает одно, кто-то – другое, в ходе внутригрупповых обсуждений происходит обмен знаниями, возникающие курьезные ситуации раскрепощают более робких, а критическое восприятие презентаций групп «противников» развивает аналитические навыки и навыки публичного оппонирования (рецензирования).

Четвертый. Вторая часть курса в полном соответствии с «платформой-минимумом» SASE посвящена изучению воздействия на экономическое поведение отдельных «неэкономических» факторов. Одна из главных задач (и проблем) этой части курса состоит в том, чтобы собрать воедино накопленные студентами-экономистами знания по «неэкономическим» учебным дисциплинам (которые хотя и присутствуют в том или ином объеме на экономических факультетах, но традиционно считаются второстепенными) и активизировать их, приложив к комплексному анализу проблем и закономерностей экономической жизни. Речь идет, в частности, о роли психологических переменных в экономическом поведении, начиная с обсуждения «психологического прорыва в экономической теории» и постепенно, спускаясь на уровень конкретных экономических практик, приложением к их осмыслению «драматургического подхода» Э. Гофмана и психологии влияния Р. Чалдини (тема «Экономическое поведение и психология влияния»).

Большое место отводится вкладу культурных ресурсов в экономическое поведение, осмыслению роли доверия и хозяйственной этики в рыночной экономике (тема «Экономическое поведение: вклад культурных ресурсов»), а с учетом специфики России – воздействию на экономическое поведение политических и административных ресурсов

(тема «Экономическое поведение: вклад политических и административных ресурсов. Макро- и мезоуровень влияния»), вкладу неформальных силовых ресурсов и роли в трансформации экономики неправовых практик (тема «Экономическое поведение: вклад неформальных силовых ресурсов. Трансформация экономики и неправовые практики»). Закрывают спектр «неэкономических» переменных – социальные ресурсы – статусные и сетевые (тема «Экономическое поведение: вклад социальных ресурсов. Статус и сети»).

Из беглого взгляда на содержание «частных» тем может сложиться впечатление, что данная часть курса мало отличается от экономической социологии и экономической психологии. «Оправданием» могло бы служить соответствие этой части курса междисциплинарной версии социоэкономики SASE и (что более важно) извлечение экономистами преимуществ от приближения к реальной жизни, а также от формирования у них более широкого (междисциплинарного) взгляда на экономические процессы и проблемы. Тем более что влияние на экономические переменные тех или иных «неэкономических» факторов в рамках курса постоянно подтверждается на основе привлечения результатов эмпирических исследований, выполненных как зарубежными, так и российскими учеными.

Однако принципиальным дополнением к собственно социологическим и прочим подходам в данном случае является вынесенная на практические занятия и решаемая также в игровой форме задача построения системы индикаторов и показателей, с помощью которых можно было бы измерить воздействие «неэкономических» переменных на собственно экономические. Студенты весьма творчески подходят к «решению» проблемы измерения зависимости экономического поведения от социокультурных переменных, властно-административных ресурсов (формальных и неформальных), неформальных силовых ресурсов и т. д. При этом важно не столько то, чтобы все предлагаемые показатели непременно имелись в статистике, сколько «раскрепощение» мышления, творческий поиск разного рода прямых и косвенных оценок и др. Тем более что в дальнейшем студенты еще будут специально обучаться построению индикаторов в рамках курса «Экономические и социальные индикаторы». Задача же данного этапа – показать, во-первых, что влияние неэкономических факторов на экономические переменные является многосторонним и существенным, а во-вторых, то, что это влияние можно измерить (и даже дать ему экономическую оценку).

Пятый. Наконец, заключительная, третья часть курса посвящена собственно экономической версии социоэкономики. Ее предваряет рассмотрение обратного влияния экономики на состояние социума с тем, чтобы сформировать целостное представление о двусторонней связи между экономическими и социальными аспектами жизнедеятельности. В центре – рассмотрение проблем экономической оценки этой двусторонней связи, т. е. экономической оценки некоторых социальных процессов и институтов, которые, испытывая воздействие со стороны экономической факторов, в следующий промежуток времени сами воздействуют (будут воздействовать) на экономику. Практическая трудность реализации этой версии социоэкономики состоит в том, что исследования в этой области пока единичны. А теоретическая трудность связана с применением собственно экономического метода – соотношения затрат и результатов – к оценке двусторонней связи между экономическими и социальными переменными, что предполагает более широкий взгляд на природу издержек и выгод и сказывается на структуре как тех, так и других в каждый момент времени. Так, экономические выгоды от сокращения государственного финансирования сельского хозяйства и села в данный момент времени могут вызывать неблагоприятные социальные последствия (миграция квалифицированных кадров, распространение пьянства и т. д.), которые обернутся экономическими издержками для системы в следующий момент времени (нежелание оставшейся части селян интенсивно трудиться на вновь возникающих хозяйственных объектах, сокращение продолжительности жизни трудоспособного населения из-за

алкоголизации, влияние пьянства родителей на здоровье детей и т. д.). И, исходя из накопленного в данной сфере исторического опыта, в идеале этой связи нужно дать экономическую оценку еще до принятия решения о сокращении государственного финансирования сельской местности.

Обсуждению проблем и трудностей становления социэкономике как экономической науки пока посвящается заключительный «Круглый стол». Дальнейшее развитие социэкономике как науки и учебной дисциплины, думается, постепенно приведет к усилению акцентов на экономическую версию социэкономике. Во всяком случае, таковы наши ближайшие планы, и за счет развития именно этой версии социэкономике мы в дальнейшем планируем расширять программу социэкономике как учебной дисциплины для экономистов.

Литература

- Айвазян С.А.* Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения: анализ российской траектории на стыке XX–XXI вв. (1995–2004) // Мир России. 2005. № 1.
- Андреев Е., Кваша Е., Харькова Т.* Возможно ли снижение смертности в России? // Демоскоп-Weekly. № 145–146, 9–22 февр. 2004а. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/tema02.php>
- Вебер М.* Понятие социального действия. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
- Заславская Т.И.* Главы 1–5 из раздела «Развитие Новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии» // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999.
- Козырев А.Н.* Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов, 2002. http://www.cfin.ru/finanalysis/value/intangibles_and_intel_2.shtml
- Полани К.* Два значения термина «экономический» (1953) // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- Россия теряет из-за своей медицины сотни миллиардов долларов. Интервью председателя Комиссии Совета Федерации по взаимодействию со Счетной палатой Сергея Иванова «ФК-Новости» по окончании работы российско-канадского семинара «Проблемы эффективности использования государственных ресурсов на оказание гражданам бесплатной медицинской помощи» (март 2006) // <http://www.zrpress.ru/zr/2006/23/33>
- Смелзер Н., Сведберг Р.* Социологический подход к анализу хозяйства (1994) / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2003. № 4.
- Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М.Я. Каждана. М.: Дело, 2003 (1988).
- Шабанова М.А.* Социэкономике и экономическая социология: точки размежевания и интеграции // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 5.
- Шабанова М.А.* Социэкономике: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность (ОНС). 2006а. № 1.
- Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. *Статья 1.* Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006б. Т. 7. № 4 (сент.). (в печати)

- Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. *Статья 2. Ресурсы и механизмы* // Экономическая социология. 2006в. Т. 7. № 5. (в печати)
- Шабанова М.А.* Экономический и социологический анализ институциональных изменений: возможности интеграции // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6. (в печати)
- Щетинин В.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 12. Или: <http://www.auditorium.ru/books/3488/chetinin.pdf>
- Эдвинссон Л., Мзлуун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // *Новая индустриальная волна на Западе: Антология* / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
- Этциони А.* Социоэкономика: дальнейшие шаги (1991) / Пер. М.С. Добряковой // *Экономическая социология*. Т. 3. № 1. 2002. www.ecsoc.msses.ru
- Abell P.* On the Prospects for a Unified Social Science: Economics and Sociology // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.
- Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.
- Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y., 1959.
- Hollingsworth J.R.* Advancing the Socio-Economic Paradigm with Institutional Analysis // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.
- Piore M.* Society as a Precondition for Individuality: Critical Comments // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.
- Gathering of Savvy «Socio-Economists» Challenges Traditional Economics / Satin Mark (ed.) (January / February 2000) // <http://www.sase>.
- Streeck W.* Social Science and Moral Dialogue // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.
- Swedberg R.* New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What is Ahead? // *Acta Sociologica*. 1997. Vol. 40.
- What is Socio-Economics? // <http://www.sase.org/aboutsase/aboutsase.html>
- Wrong D.H.* Socio-Economics and Human Nature // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.

Проблемы социоэкономики: концепция и программа учебного курса

М.А. ШАБАНОВА

Общая характеристика концепции курса

В условиях постоянного усложнения хозяйственной жизни, ускорения темпов изменений, увеличения потерь от неучтенных взаимосвязей между экономическими и социальными аспектами развития хозяйственных и социальных систем разных уровней растет потребность в экономистах и менеджерах, *сочетающих* способности к анализу экономики с широким пониманием *социальных* отношений и умеющих применять эти знания в *управлении* (фирмами, отраслями, некоммерческими организациями, поселениями, регионами и т. д.). Решению этой задачи и содействует стремительно развивающаяся в последние 15 лет *социоэкономика*. С учетом круга практических проблем, с которыми сталкиваются сегодня и все чаще будут сталкиваться в дальнейшем выпускники

экономических факультетов, данный курс включает две версии социэкономии – *междисциплинарную и экономическую*⁹.

Междисциплинарная версия интегрирует достижения «неэкономических» наук (прежде всего, социологии и психологии) в познании, влияния на экономическое поведение «неэкономических» факторов и прилагает их к *комплексному* анализу проблем и закономерностей *экономической* жизни. Речь идет о роли психологических переменных в экономическом поведении, воздействии на него имеющихся у экономических акторов ресурсов: культурных, политических, административных, правовых и неформальных силовых, широкого спектра социальных ресурсов (статусных и сетевых) и др. В центре второй (собственно *экономической*) версии, делающей еще только первые шаги, – задача учесть *двустороннюю* связь между экономикой и обществом и дать *экономическую* оценку этим взаимосвязям, тем или иным *социальным* процессам, институтам, стратегиям.

Концепции двух версий социэкономии, а также особенности встраивания дисциплины в учебный процесс студентов-экономистов определили общую логику курса, состоящего из трех частей. В *первой* части дается общая характеристика двух версий социэкономии и рассматривается соотношение каждой из них с другими науками, а также направлениями экономической науки (неоклассической экономикой, двумя направлениями институциональной экономики – неоинституционализмом и традиционным институционализмом). *Вторая* часть посвящена знакомству с *междисциплинарной* версией социэкономии, позиционируемой SASE, а *третья* – авторской версии социэкономии как *экономической* науки. В курсе широко используются результаты эмпирических исследований, выполненных как зарубежными, так и российскими учеными. Предпочтение отдается рассмотрению собственно российских проблем, а при проведении семинаров – деловым играм.

Курс социэкономии является новаторским, и в России, насколько нам известно, пока нигде больше не читается. Соответствующих учебных пособий пока нет ни в России, ни за рубежом. В ГУ-ВШЭ читается с 2004 г., но ежегодно существенно обновляется и совершенствуется. В этом смысле курс еще окончательно «не устоялся». Однако *цели* курса определены четко и являются неизменными – формирование компетенций к *комплексному* анализу изменяющихся социально-экономических процессов, а именно:

умение анализировать *экономические* процессы с учетом их обусловленности более широким *социальным* контекстом, а также с учетом *обратного* влияния экономики на него; навыки преодоления *междисциплинарных* барьеров и *комбинирования* разных аналитических подходов (прежде всего, экономического, социологического и психологического);

способность выявлять *двусторонние* связи между экономическими и социальными процессами на самых разных уровнях: *макро-, мезо- и микро-*;

умение оценивать эти взаимосвязи на основе конструирования экономических и социальных индикаторов; умение давать *экономическую* оценку *социальным* процессам, проектам, стратегиям;

умение творчески соединять преимущества экономического и социологического подходов в решении конкретных *практических* проблем: 1) в бизнесе и 2) государственном (региональном, муниципальном) управлении.

Курс предназначен для студентов 3 или 4 (специализация) курсов бакалавриата направления «Экономика», но может быть также использован для подготовки студентов

⁹О двух версиях социэкономии подробнее см. в этом номере журнала статью: *Шабанова М.А.* Социэкономия как наука и новая учебная дисциплина.

по направлениям: «Менеджмент», «Политология» и отчасти «Экономическая социология».

Содержание программы

Тема 1. Социоэкономика как *междисциплинарная* парадигма и как *экономическая наука*: общие концептуальные основания

Предметное поле социоэкономики. Макро- и микроуровень анализа. Общая характеристика *междисциплинарной парадигмы социоэкономики*. Предпосылки возникновения и развития. «Платформа-минимум» SASE (Международного общества развития социоэкономики). Развитие ключевых принципов социоэкономической парадигмы (1989–2003 гг.) (Амитаи Этциони). Интерпретация «социо-». Междисциплинарность как основа методологических позиций. Основные содержательные предпосылки.

Общество как система, рынок как подсистема. Факторы, воздействующие на индивидуальный выбор. Рациональный личный интерес. Эмоции. Роль культурных ограничений, включая моральные. Конфликт между моральными обязательствами и эгоистическими интересами: влияние на экономическое поведение. Вклад социальной структуры и социальных обязательств. Отказ от методологического индивидуализма. Роль знаний, информации и интеллектуальных способностей.

Ограничения социоэкономической *парадигмы* в версии SASE: несколько критических соображений и уточнений.

Версия социоэкономики как *экономической науки* (М.А. Шабанова). Общая характеристика. Два значения термина «экономический» (К. Поланьи). Экономические аспекты воспроизводства социума. Социальные аспекты воспроизводства экономики. Двусторонние связи между экономикой и социумом. Проблема измерения взаимосвязи между экономическими и неэкономическими переменными на основе оценок затрат и результатов тех или иных действий.

Зачем социоэкономика экономистам? Характеристика класса практических задач макро-, мезо- и микроуровня.

Основная литература к теме 1

«*Gathering of Savvy “Socio-Economists” Challenges Traditional Economics*». Выборочные материалы для размышления с Ежегодной конференции SASE (2000 г.).

Etzioni Ai. Toward a New Socio-Economic Paradigm // Socio-Economic Review. 2003. № 1.

Discussion of Toward a new Socio-Economic Paradigm.

Piore M. Society as a Precondition for Individuality: Critical Comments // Socio-Economic Review. 2003. № 1. P. 119–122.

Wrong D.H. Socio-Economics and Human Nature // Socio-Economic Review. 2003. № 1. P. 122–125.

Streeck W. Social Science and Moral Dialogue // Socio-Economic Review. 2003. № 1. P. 126–129.

Hollingsworth J.R. Advancing the Socio-Economic Paradigm with Institutional Analysis // Socio-Economic Review. 2003. № 1. P. 130–134.

Abell P. On the Prospects for a Unified Social Science: Economics and Sociology // Socio-Economic Review. 2003. № 1. P. 1–26.

Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 498–504.

- Шабанова М.А.* Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 121–133.
- Шабанова М.А.* Социоэкономика и экономическая социология: точки размежевания и интеграции // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 5. С. 12–27.

Дополнительная литература к теме 1

- Эдвинссон Л., Мзлуун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // *Новая индустриальная волна на Западе: Антология* / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 432–447.
- Козырев А.Н.* Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов / ООН. Экономический и социальный совет. Европейская экономическая комиссия. Координационная группа по оперативной деятельности. Целевая группа на высоком уровне по оценке и капитализации интеллектуальных активов. Рабочий документ для обсуждения (Женева, 18–19 ноября 2002 г.)
http://www.cfin.ru/finanalysis/value/intangibles_and_intel_2.shtml
- Некипелов А.* Выбор экономической стратегии // *Свободная мысль*. 2003. № 9.

Тема 2. Социоэкономика versus неоклассическая экономика. Социоэкономика и экономическая социология: точки размежевания и интеграции

Социоэкономисты versus неоклассики: содержание вызова. Макро- и микроуровень. Исходная аналитическая единица: различное представление об акторе. «Критика НЕДОсоциализированной и ПЕРЕсоциализированной концепций человеческого действия в неоклассике. Отказ от методологического индивидуализма в пользу «актора-во-взаимодействии».

Рациональность экономического действия в неоклассической экономической теории и социоэкономике. Социоэкономический подход к проблеме рациональности. Типы экономических действий в зависимости от степени присутствия в их мотивации рационального (М. Вебер). Роль эмоций, социальных связей, социальных ожиданий, веры, моральных обязательств и др. (Etzioni; Ashford и др.). Формальная и субстантивная рациональность (М. Вебер). Рациональность как данность и как переменная.

Факторы и ограничения хозяйственного действия в неоклассической экономической теории и социоэкономике.

Соотношение хозяйства и общества в неоклассической экономической теории и социоэкономике. Рыночные механизмы согласования индивидуальных потребностей: возможности и ограничения. Основные «провалы» рынка: общая характеристика. Проблема выбора экономической стратегии: возможности социоэкономики.

Социоэкономика и экономическая социология: соотношение предметных полей и методов (А. Этциони, М. Граннветтер, Т.И. Заславская и др.). Социоэкономика, социальная экономика и экономика социальной сферы. Что отличает социоэкономiku а) от экономической социологии и б) от других экономических наук?

Основная литература к теме 2

- Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1. Выборочно: параграфы 4,5 (P. 111–113).
- Coleman J.* A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 166–180.

- Автономов В.С.* Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3. / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М.: ГУ-ВШЭ, 1998. С. 24–71.
- Бруннер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. Осень 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 51–72.
- Вебер М.* Понятие социального действия. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 625–630.
- Некпелов А.* Выбор экономической стратегии // Свободная мысль. 2003. № 9.
- Саймон Г.А.* Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении / Пер. И.В. Попович // Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т. 3. / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 54–72.
- Шишкин С.В.* Экономика социальной сферы М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- Особенности экономических отношений в здравоохранении. С. 40–49.
- Особенности экономических отношений в сфере образования. С. 103–112.
- Шабанова М.А.* Социоэкономика и экономическая социология: точки размежевания и интеграции // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 5. С. 12–27.

Дополнительная литература к теме 2

- Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества:
Глава 2. Неоклассическая модель.
Глава 3. Неоклассическая модель II: Государство.
Глава 4. Потребление и концепция домашнего хозяйства.
Глава 5. Общая теория высокого уровня развития.
<http://ek-lit.agava.ru/glbsod.htm>
- Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренности) / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. № 3. С. 44–58.
- Канеман Д.* Отображения ограниченной рациональности: перспективы исследования интуитивного суждения и выбора. Нобелевская лекция 8 декабря 2002 г. / Пер. Г.Г. Пирогова // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. В 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 2. М.: Мысль, 2005. С. 630–684.
- Саймон Г.А.* Рациональное принятие решений в бизнесе. Нобелевская лекция 8 декабря 1977 г. / Пер. Г.Г. Фетисова // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. В 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 1. М.: Мысль, 2004. С. 320–357.
- Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 37–55.
- Скитовски Т.* Суверенитет и рациональность потребителя // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1 / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 370–376.
- Смелзер Н., Сведберг Р.* Социологический подход к анализу хозяйства / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2003. № 4. С. 43–61
- Тевено Л.* Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Ходжсон Дж.* Прощай, «экономический человек»! // Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М.Я. Каждана. Науч. ред. перевода В.И. Маевский. М.: Дело, 2003. Часть 2. Гл. 3–5. С. 93–181.

Глава 3. Что стоит за методологическим индивидуализмом. С. 93–119.

Глава 4. Гипотеза максимизации. С. 120–154.

Глава 5. Рационалистическая концепция человеческой деятельности. С. 155–181.

Mallard G. Bridging Culture and Rationality: Four Modes of Explanation in Economic Sociology / Princeton University and Ecole Normale Supérieure de Cachan (2003).

Тема 3. Социоэкономика и институциональный анализ

Социоэкономика и институциональный анализ: общее и особенное. Социоэкономика – «старый» институционализм – неоинституционализм. Содержательные предпосылки. Особенности понимания термина *институт* в социоэкономике и институциональной экономике. Разграничение институтов и практик: зачем оно социологам? Экономические институты и экономические практики: соотношение понятий. Примеры. Различия в средствах институционального анализа. Вклад *ролевой теории* в институциональный анализ. Ролевые ожидания и реальное выполнение роли. Реальное выполнение роли и привязанность индивида к ней (ролевая дистанция – Goffman). Внутриволевые и межролевые конфликты. Различия между экономическими акторами, занимающими разные социальные позиции, по уровню свободы в построении и реализации своих экономических и социальных ролей. Интерпретационные возможности ролевого анализа в осмыслении степени и характера укорененности (устойчивости) тех или иных правил игры и экономических практик, адекватности распределения пучка прав собственности (правомочий), анализе проблемы и направлений сдвигов в контрактных отношениях и др.

Учет *социоструктурных* факторов. Интересы и ресурсы экономических акторов. Проблема расширения спектра учитываемых ресурсов (факторов и ограничений). Основные виды ресурсов экономических акторов в социоэкономике. Экономические ресурсы. Политические ресурсы. Административные ресурсы. Силовые ресурсы. Культурные ресурсы. Демографические и образовательные ресурсы. Социальные ресурсы. Человеческий и социальный капиталы. Проблема профессионализации.

Социальная организация рынков: национальные особенности. Рынок как совокупность сетей, институтов и культур: общие черты институционального и социоэкономического подходов. Различия в подходах: рынок и общество; рынок как сети; рынок как культуры.

Социоэкономика и институциональный анализ: преимущества интеграции.

Основная литература к теме 3

Hollingsworth J.R. Advancing the Socio-economic Paradigm with Institutional Analysis // Socio-Economic Review. 2003. № 1. P. 130–134.

Биггарт Н. Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. 2001. № 5. С. 49–58. <http://www.ecsoc.msses.ru>

Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С. 76–89.

Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 111–117, 389–390.

Нестеренко А.Н. Проблемы российской экономики: институциональный подход // Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: УРСС, 2002. Предисловие. Гл. 1, 2. С. 273–312.

Радаев В.В. Рынок как совокупность сетей, институтов и культур // Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ–ВШЭ, 2003. Гл. 2. С. 33–47.

- РОНА-ТАС А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396–411.
- Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. *Статья 1.* Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4 (в печати).
- Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. *Статья 2.* Ресурсы и механизмы // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 5 (в печати).

Дополнительная литература к теме 3

- Капелюшников Р.И.* Неинституционализм // Отечественные записки. Собственность: опыт осмысления. № 6 (21) (2004). <http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=980>.
- Капелюшников Р.И.* Заметки на полях неоинституционального подхода. <http://www.libertarium.ru/libertarium/10619>
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий / Пер. Л. Стрельникова, А. Стасенко по изданию: Social Capital: A Multifaceted Perspective. Partha Dasgupta, Ismail Serageldin. The World Bank. Washington, 2000. <http://www.stakeholder.ru/concept/soccap/koulman2.htm>
- Поланьи К.* Рынок как институционально оформленный процесс / Пер. с англ. М.С. Добряковой, ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. 2002. № 2. С. 62–73. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
- Радаев В.В.* Легализация российского бизнеса как институциональная проблема // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 95–108.
- Тамбовцев В.Л.* Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 25–38.
- Титов В.Н.* Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
- Шабанова М.А.* Экономический и социологический анализ институциональных изменений: возможности интеграции // Общественные науки и современность. 2006. № 6 (в печати).

Тема 4. Экономическое поведение и психология влияния

Роль психологических переменных в экономическом поведении. «Психологический прорыв в экономической теории»: почему человеческие решения закономерно отклоняются от стандартной модели? (Д. Канеман, А. Тверски). Роль внутренних и внешних факторов.

Роль ожидания и управление впечатлениями. «Драматургический подход» Эрвина Гофмана: значение для анализа экономических практик.

Основные орудия психологического влияния на экономическое поведение (Психология влияния Роберта Чалдини). Апелляция к принципу материального интереса. Правило взаимного обмена (укорененность в культуре, механизм «навязывания» долгов, инициирование неравноценного обмена). Обязательство и последовательность в экономическом поведении (роль начального обязательства, эффект публичного обязательства, роль внутренней мотивированности в усилении влияния обязательств на будущие экономические действия). Экономическое поведение и склонность к

подражанию (принцип социального доказательства). Фактор неуверенности и фактор сходства (ориентации на действия «похожих других»). Правило благорасположения. Влияние авторитета на экономическое поведение (реакция на символы авторитета, а не на авторитет как таковой; представление о повиновении авторитетам как о рациональном способе принятия решений). Дефицит, или правило малого. Психологическое реактивное сопротивление. Роль принципа контраста и ставки на стереотипное мышление.

Основная литература к теме 4

- Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. № 4. С. 31–42.
- Кудрявцева М.О.* Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3 (15). С. 73–92.
- Розмаинский И.В.* На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1. С. 86–99.
- Чалдини Р.* Психология влияния / Пер. с англ. СПб.: Питер Ком, 1999. (Серия «Мастера психологии».) Главы 2–7.

Дополнительная литература к теме 4

- Гоффман Э.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Лимбус, 2000.
- Титов В.Н.* Социально-психологические аспекты функционирования неформальной экономики // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 66–77.

Тема 5. Экономическое поведение: вклад культурных ресурсов. Значение хозяйственной этики в рыночной экономике

Культура в экономической теории и социоэкономике. Место культуры в общественной системе. Основные функции культуры. Хозяйство и культура: методологические аспекты изучения взаимосвязи. Иллюстрации основных взаимосвязей. Факторы формирования русской культуры.

Основные особенности современной русской культуры и их значимость для экономики. Хозяйственное значение этики в условиях рынка. Проблема доверия и надежности партнеров. «Этика корректирует несостоятельность экономики» (П. Козловски). Проблема асимметрии информации. Проблема монополии субъекта на применение своей собственной деятельности в качестве ресурса. Рыночная экономика: проблема соотношения морали и выгоды.

«Дух капитализма»: индивидуальные и социальные добродетели предпринимателей. Проблема соотношения этики предпринимательства и этики общества. «Протестантская этика и дух капитализма» (М. Вебер). «Протестантские секты и дух капитализма» (М. Вебер). Православное сознание и предпринимательство. Особенности развития культуры предпринимательства в России.

Проблема измерения воздействия социокультурных переменных на экономическое поведение.

Основная литература к теме 5

- DiMaggio P.* Culture and Economy // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 27–57.

- Вебер М.* Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 273–306.
- Данилова Е.Н.* Трудовая культура в рыночной экономике // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева. М.: ИЭПП, 2005. С. 82–116.
- Козловски П.* Принципы этической экономии / Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 1999: Введение.
§ 1. Этическая экономия и политическая экономия. С. 7–12.
§ 2. Почему в наше время возникает интерес к хозяйственной этике? С. 12–20
Глава 7. Хозяйственная этика в рыночной экономике. С. 220–238.
- Зарубина Н.Н.* Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1. С. 96–105.
- Рывкина Р.В.* Драма перемен. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2001. Гл. 10.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия / Пер. А. Эткин <http://www.liberal.ru/article.asp> (Фонд «Либеральная миссия»)
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // *Мир России*. 2002. № 1. С. 13–30.

Дополнительная литература к теме 5

- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
- Гольц Г.* Культура и экономика: поиски взаимосвязей // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 23–35.
- Данилова Е., Тарарухина М.* Российская производственная культура на фоне культур других стран мира // *Становление трудовых отношений в постсоветской России / Авт. колл. под рук. В.А. Ядова и Дж. Де Барделебена*. М.: Академический Проект, 2004. С. 193–218.
- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской истории // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 100–112.
- Макеева В.Г.* Культура предпринимательства. Уч. пос. М.: ИНФРА-М, 2002.
Гл.2. Особенности развития культуры предпринимательства в России. С. 49–81.
- Магун В.С.* Трудовые ценности экономически активного населения // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева. М.: Изд-во Института экономики переходного периода, 2005. С. 117–156.
- Миронов Б.Н.* Трудовая этика // *Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 2.* СПб., 1999. С. 305–317.
- Рих А.* Хозяйственная этика. М.: Посев, 1996.
- Розин В.М.* Экономика с культурологической точки зрения // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 107–114.
- Фукуяма, Ф.* Главенство культуры // *Русский журнал*. 2001. <http://www.liberal.ru/article.asp>
- Шихирев П.Н.* Возможна ли этика бизнеса? // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3.
- Mallard G.* Bridging Culture and Rationality: Four Modes of Explanation in Economic Sociology. Princeton University and Ecole Normale Supérieure de Cachan. 2003 (конференция SASE. 2003).

Тема 6. Экономическое поведение: вклад политических и административных ресурсов. Макро- и мезоуровень влияния

Роль государства в хозяйстве. Старая парадигма исследования роли государства в хозяйстве. Общая характеристика основных «идеальных типов». Оценка старой парадигмы. Новая парадигма – концепция «реконструирования рынка».

Властно-административный ресурс: основные способы и ресурсы влияния властных органов на экономическое поведение микро-, мезо- и макроакторов. Возможности и ограничения властно-административного ресурса в трансформирующихся экономиках. Влияние на правила игры и правовой климат в хозяйственной сфере.

Особенности взаимоотношений государства и бизнеса в современной России. Оценка представителями нового поколения предпринимателей и менеджеров изменений в «правилах игры» государства с бизнесом (по материалам опроса слушателей программ МВА, 2004 и 2006 гг.).

Проблема измерения влияния властно-административных ресурсов (формальных и неформальных) на экономическое поведение.

Основная литература к теме 6

- Блок Ф.* Роли государства в хозяйстве / Пер. с англ. М.С. Добряковой, ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. 2004. № 2. С. 37–56. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Политические институты и управление* // Доклад о мировом развитии 2002 года. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002. Гл. 5. С. 99–116.
- Розмаинский И.В., Малкина М.Ю.* Основы институционального подхода к анализу роли государства // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) Часть 3. Государство в современной России. М., 2003. Гл. 14. С. 15–37.
- Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 3–60.
- Флигстин Н.* Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам / Пер. с англ. М.С. Добряковой, ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. 2003. № 1. С. 45–63. <http://www.ecsoc.msses.ru>

Дополнительная литература к теме 6

- Гаман-Голутвина О.В.* Современная политическая элита России: факторы неэффективности // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 249–253.
- Зудин А.Ю.* Бизнес и государство: к новой модели взаимоотношений // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 212–219.
- Латов Ю.В.* Предприниматели и чиновники России – неразлучные враги или заклятые друзья? // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 120–127.
- Лунеев В.В.* Криминальность политической и правящей элиты // Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Изд-во НОРМА, 1997. Гл. 10. С. 330–354.
- Седова Н.Н.* Неформальная экономика в теории и российской практике // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 49–58.

Шабанова М.А. Новое качество адаптации перспективной группы предпринимателей к современным условиям ведения бизнеса // *Общество и экономика*. 2005. № 5. С. 201–222.

Тема 7. Экономическое поведение: вклад неформальных силовых ресурсов. Трансформация экономики и неправовые практики

Основные виды силовых структур, действующих в экономике: организованные преступные группировки, частные охранные предприятия, работники правоохранительных органов и ГБ. Неформальная силовая структура в экономике: образцы нормативной культуры и виды повседневных практик. Приватизация правоохранительной деятельности в современной России («бандитские крыши», «коммерческие крыши», «милицейские крыши»).

Трансформация организованных преступных группировок в России: от преступных группировок – к региональным бизнес-группам.

Экономика и право: микро- и мезоуровень анализа. Соотношение между формально-правовыми и социокультурными нормами в сфере труда: состояние и последствия. Неправовые практики в сфере труда и занятости. Спрос на право в современном российском бизнес-сообществе. Проблема оптимального принуждения к соблюдению законов (Дж. Стиглер).

Проблема измерения влияния неформальных силовых ресурсов на экономическое поведение: обсуждение возможных показателей.

Основная литература к теме 7

Стиглер Дж. Оптимальное принуждение к соблюдению законов // *Истоки: Экономика в контексте истории и культуры* / Пер. Ю.В. Автономова, М.И. Одинцовой. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. С. 349–367.

Волков В.В. От преступных группировок – к региональным бизнес-группам // *Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики* / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 108–120.

Волков В.В. Рынок охранных услуг. Препринт WP4/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // *Мир России*. 2002. № 2. С. 3–38..

Латов Ю.В. «Воры в законе» как субъекты рыночной модернизации в России // *Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней трансформационного процесса* / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 176–181.

Яковлев А. Спрос на право в сфере корпоративного управления: эволюция стратегий экономических агентов // *Вопросы экономики*. 2003. № 4.

Дополнительная литература к теме 7

Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. Гл. 5. Неформальная силовая структура. С. 124–148.

Косалс Л.Я. Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации (на примере рынка милицейских услуг). Препринт. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

Латов Ю.В. Особенности национального рэкета: история и современность // *Мир России*. 2001. № 3. С. 153–182.

- Латов Ю.В.* Право силы вместо силы права, или экономика рэкета // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. Гл. 11. С. 492–545.
- Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001.
- Шабанова М.А.* Особенности правового сознания и поведения нового поколения российского бизнес-сообщества // Общество и экономика. 2005. № 5. С. 181–200.

Тема 8. Экономическое поведение: вклад социальных ресурсов. Статус и сети

Социоструктурные переменные в экономическом анализе. Статусные и сетевые ресурсы в хозяйственной жизни: общая характеристика. Особенности экономической деятельности акторов с разным объемом социальных ресурсов. Макро-, мезо- и микроуровень. Основные каналы влияния статуса на экономическое поведение. Социальный статус и социальные сети. Понятие «социальные сети»: разнообразие подходов. Сети в экономической теории, социологии и социэкономике. Основные черты сетевых связей.

Роль сетей в хозяйственной жизни: неформальный аспект. Проблема поиска работы: «сила слабых связей». Социальные сети иммигрантов и «этническое» предпринимательство. Роль социальных сетей в мобилизации внешних ресурсов и внутрифирменном продвижении. Роль сетей в распространении моделей деловых практик и новых идей.

Социальные сети и рынок. Рынок как совокупность сетей. Проблема сегментации и монополизации. Влияние на структуру производства. Проблема государственного регулирования. Дефицит права. Изменение природы конкуренции.

Проблема измерения воздействия сетевых ресурсов на успешной экономической деятельности. Социальный капитал.

Основная литература к теме 8

- Coleman J.S.* Introducing Social Structure into Economic Analysis // *American Economic Review*. 1984. Vol. 74. № 2. P. 84–88.
- Олейник А.* Модель сетевого капитализма // *Вопросы экономики*. 2003. № 8. С. 132–149.
- Пауэлл У., Смит-Дор Л.* Сети и хозяйственная жизнь / Пер. с англ. М.С. Добряковой, ред. В.В. Радаев // *Экономическая социология*. 2003. Т. 4. № 3. С. 61–107. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Радаев В.В.* Рынок как совокупность сетей, институтов и культур // Радаев В.В. *Социология рынков: к формированию нового направления*. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. Гл. 2. С. 33–47.
- РОНА-ТАС А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // *Неформальная экономика: Россия и мир* / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. С. 396–411.
- Nease M.B.* Entrepreneurs in Emerging Economies: Creating Trust, Social Capital, and Civil Society // *The ANNALS of the American Academy (ANNALS, AAPSS)*. 1999 (September), 565. P. 148–161.
- Silk E., Wellman B.* Network Capital in Capitalist, Communist and Post-Communist Countries // *Networks in the Global Village* / Ed. by B. Wellman. Boulder, CO: Westview Press. 1999. P. 225–255.
- Smith S.S., Kulynych J.* It May Be Social, but Why Is It Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language // *Politics & Society*. 2002. Vol. 30 №. 1. March 2002. P. 149–186.

Дополнительная литература к теме 8

- Валитов В.Н.* Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 112–120.
- Ильин В.И.* Социальное конструирование этнических общностей (параграф «Этническая социальная сеть») // Ильин В.И. Социальное неравенство: Курс лекций. М.: ИС РАН, 2000. Лекция № 13. <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/neravenstvo/content.htm>
- Латов Ю.В.* Неформальная экономика contra правительство // Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. С. 191–198.
- Неформальные нормы и связи // Доклад о мировом развитии 2002 г. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002. Гл. 9. С. 171–179.
- Роуз Р.* Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 23–38.
- Рязанцев С.В.* Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 73–86.
- Сниссаренко А.* Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины Санкт–Петербурга) // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 138–155.
- Тихонова Н.Е.* Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24–35.
- Peterson T., Saporta I., Seidel M.L.* Offering a Job: Meritocracy and Social Networks // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 106. № 3. P. 763–816.

Тема 9. Обратное влияние экономики на общество. Экономическая версия социэкономике

Противоречивость последствий экономического роста и развития для социума: общая характеристика и российские особенности. Обратное влияние экономики на состояние остальных подсистем общества. Крупная российская корпорация в системе власти. Социальная ответственность бизнеса. Материальный статус индивидов и участие в структурах гражданского общества. Особенности протестного поведения акторов с разным экономическим статусом.

Двусторонние связи между экономикой и социумом: воспроизводственный аспект. Сфера здравоохранения. Сфера образования. Проблема *экономической* оценки двусторонних связей между экономическими и социальными аспектами воспроизводства. Проблема *социальных* ограничителей и ориентиров. Возможно ли снижение смертности в России? Проблема эффективности использования бюджетных средств на оказание бесплатной медицинской помощи и расчета экономического ущерба России из-за неудовлетворительного медицинского обслуживания.

Проблема эффективности инвестиций в человеческий потенциал на уровне *фирмы*.

Проблема учета взаимосвязи между разными видами «неэкономических» ресурсов, воздействующих на экономику.

Потенциал экономической версии социэкономике: общая характеристика основных «точек роста». Проблема измерения экономических последствий социального поведения и социальных последствий экономических решений.

Литература к теме 9¹⁰

- Айвазян С.А.* Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения: анализ российской траектории на стыке XX–XXI вв. (1995–2004) // Мир России. 2005. № 1. С. 62–88.
- Андреев Е., Кваша Е., Харькова Т.* Возможно ли снижение смертности в России? // Демоскоп-Weekly. № 145–146. 9–22 февр. 2004а. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/tema02.php>
- Власть, бизнес, гражданское общество. Материалы дискуссий // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 33–51.
- Перегудов С.П.* Крупная российская корпорация в системе власти // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 193–206.
- Россия теряет из-за своей медицины сотни миллиардов долларов. Интервью председателя Комиссии Совета Федерации по взаимодействию со Счетной палатой Сергея Иванова «ФК-Новости» по окончании работы российско-канадского семинара «Проблемы эффективности использования государственных ресурсов на оказание гражданам бесплатной медицинской помощи» (март 2006) // <http://www.zgpress.ru/zr/2006/23/33>
- Кинсбургский А.В.* Социальное недовольство и общественное поведение // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. С. 337–347.
- Лукашевич В.В.* К вопросу об эффективности инвестиции в человеческий капитал // http://rprint.ru/cgi-bin/publish/view.cgi?id=35&cat_id=7&print=1 (октябрь 2003)
- Лукашевич В.В., Лукашевич А.В., Жебелева Ю.В.* Стратегические аспекты управления человеческими ресурсами организации и совершенствование мотивации труда // http://www.printer-publisher.rprint.ru/stories/23/85_1.php (ноябрь 2003)
- Шабанова М.А.* Социоэкономика как наука и новая учебная дисциплина // Мир России. 2006. № 4.

¹⁰ Список литературы по данной теме пока «не устоялся», приведенные в нем источники, скорее, материалы, облегчающие входение в дискуссии по обозначенным в теме вопросам на «Круглых столах» и деловых играх.